

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 21.04.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-7518-2026-1-14-20

БУЛАКОВ Олег Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры публичной власти
и правового положения личности,
Институт Правоведения Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ),
Москва, Россия,
e-mail: bulakov62@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых основ институтов гражданского общества в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Обосновывается, что при внешнем сходстве отдельных юридических механизмов участия населения в публичной жизни российская и китайская модели исходят из различных конституционных матриц. Российская модель строится преимущественно на принципах идеологического и политического плюрализма, свободы объединений, местного самоуправления, права на обращения и участия граждан в управлении делами государства. Китайская модель опирается на конституционные конструкции народовластия, руководящей роли Коммунистической партии Китая, системы единого патриотического фронта, политических консультаций, а также первичного самоуправления на уровне комитетов городских жителей и сельских жителей. Делается вывод, что в России институты гражданского общества конституируются прежде всего как автономная по отношению к государству сфера самоорганизации, тогда как в Китае — как включенная в государственно-общественную систему и функционально ориентированная на цели социального управления и политической координации.

Ключевые слова: гражданское общество, Конституция РФ, Конституция КНР, общественные объединения, некоммерческие организации, политические партии, местное самоуправление, первичное самоуправление, публичное участие, сравнительное правоведение.

BULAKOV Oleg Nikolaevich,
Doctor of Law, Professor,
Professor, Department of Public Authority
and Legal Status of the Individual,
Institute of Law, Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN RUSSIA AND CHINA: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article provides a comparative legal analysis of the constitutional and legal foundations of civil society institutions in the Russian Federation and the People's Republic of China. It is justified that with the external similarity of the individual legal mechanisms of population participation in public life, the Russian and Chinese models proceed from different constitutional matrices. The Russian model is based mainly on the principles of ideological and political pluralism, freedom of association, local self-government, the right to appeal and the participation of citizens in the management of state affairs. The Chinese model relies on the constitutional constructions of democracy, the leading role of the Chinese Communist Party, the system of a united patriotic front, political consultations, as well as primary self-government at the committee level of urban residents and rural residents. It is concluded that in Russia the institutions of civil society are constituted primarily as an autonomous sphere of self-organization in relation to the state, while in China - as included in the state-public system and functionally oriented towards the goals of social management and political coordination.

Key words: civil society, Constitution of the Russian Federation, Constitution of the PRC, public associations, non-profit organizations, political parties, local self-government, primary self-government, public participation, comparative jurisprudence.

Проблематика гражданского общества давно перестала быть исключительно политико-философской. В современном конституционализме она приобрела вполне определенное юридическое измерение, поскольку именно через нормы конституции и развивающее их законодательство задаются пределы общественной автономии, формы коллективного действия граждан, правовой режим объединений, способы участия общества в принятии публично значимых решений и механизмы обратной связи между населением и государством. В этом смысле институты гражданского общества — не просто совокупность некоммерческих организаций, а более широкая система правовых форм самоорганизации и участия, включающая объединения, политические партии, профессиональные и религиозные сообщества, каналы общественного контроля, территориальное и локальное самоуправление, а также формы коллективного обращения к публичной власти [11; 12].

Сравнение России и Китая представляет значительный научный интерес, поскольку обе страны конституционно закрепляют участие народа в публичной жизни, признают определенные формы коллективной самоорганизации и создают институты представительства интересов. Однако конституционная логика этих институтов в названных государствах принципиально различна. В России конституционный текст прямо связывает общественную сферу с идеологическим и политическим многообразием, многопартийностью, свободой деятельности общественных объединений, местным самоуправлением и правом граждан участвовать в управлении делами государства. В Китае, напротив, термин «гражданское общество» конституционно не закреплён; вместо него используется комплекс категорий «народ», «народные организации», «социальные организации», «единный патриотический фронт», «политические консультации», а также «первичные организации самоуправления». Это означает, что китайская модель юридически строится не вокруг автономии общества от государства, а вокруг организованного участия общества в системе социалистического государственного и социального управления [7].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении общих и особенных черт конституционно-правовых основ институтов гражданского общества в России и Китае, а также в определении перспектив их развития. Для достижения этой цели представляется необходимым: во-первых, определить содержание категории «институты гражданского общества» применительно к сравнительному конституционному правоведению; во-вторых, проанализировать российскую мо-

дель; в-третьих, раскрыть специфику китайской модели; в-четвертых, провести сопоставление по основным юридическим параметрам.

1. Теоретико-методологические основы исследования

В юридической литературе гражданское общество обычно понимается как сфера относительно автономной по отношению к государству общественной самоорганизации, в рамках которой граждане и их объединения реализуют частные, групповые и публично значимые интересы в правовых формах, не сводимых к непосредственной деятельности органов государственной власти [11; 12]. Такое понимание, однако, не является универсальным. Для западной и постсоветской конституционной традиции характерно противопоставление гражданского общества государству, тогда как для китайской правовой системы более типично представление о функциональном взаимодействии общества и государства в рамках общей политико-правовой архитектуры [13].

Именно поэтому сравнительное исследование России и Китая требует отказа от упрощенной схемы, в которой наличие либо отсутствие «классического» гражданского общества заранее предопределяет выводы. Более продуктивен институциональный подход: под институтами гражданского общества следует понимать закрепленные конституцией и законами формы коллективной самоорганизации, участия, представительства, консультации, общественного контроля и локального самоуправления. Тогда предметом анализа становятся не абстрактные политологические характеристики, а юридически оформленные каналы связи общества и публичной власти. С этой точки зрения и российская, и китайская модели содержат развитые институциональные решения, но различаются их ценностные основания, степень организационной автономии и режим допустимого плюрализма [16].

Для сравнительно-правового исследования существенное значение имеет также различие в понимании самой конституции. В российской доктрине конституция традиционно рассматривается как акт высшей юридической силы, непосредственно определяющий границы государственной власти и гарантии основных прав и свобод. В китайской правовой системе конституция также обладает верховенством, однако ее практическое действие раскрывается сквозь призму социалистической законности, организационной роли партии и системы народного представительства. Следовательно, сопоставление институтов гражданского общества в России и Китае должно учитывать не только формулировки конституционных статей, но и более широкие политико-правовые контексты их действия [13].

2. Конституционно-правовые основы институтов гражданского общества в России

Российская модель исходит из того, что конституционный строй предполагает наличие самостоятельной общественной сферы. Это следует уже из главы 1 Конституции Российской Федерации. Статья 13 закрепляет идеологическое многообразие, запрещает установление обязательной государственной идеологии, признает политическое многообразие и многопартийность, а также равенство общественных объединений перед законом. Статья 30 гарантирует каждому право на объединение и свободу деятельности общественных объединений. Статьи 31–33 закрепляют право на мирные собрания, участие в управлении делами государства, избирательные права, участие в отправлении правосудия, а также право на индивидуальные и коллективные обращения. Статья 12 и глава 8 Конституции Российской Федерации гарантируют местное самоуправление как самостоятельную форму осуществления власти населением.

Из приведенных положений вытекает важный для российской конституционной модели вывод: институты гражданского общества понимаются прежде всего, как правомерные формы общественной автономии, а уже затем — как партнеры или участники публичного управления. Иначе говоря, конституция не «создает» общество сверху, а признает существование общественной сферы как конституционной ценности. Именно поэтому право на объединение выступает не производным от интересов государства, а самостоятельным основным правом. Одновременно Конституция Российской Федерации устанавливает пределы такой свободы: часть 5 статьи 13 запрещает создание и деятельность общественных объединений, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности страны, подрыв безопасности государства и разжигание вражды [1].

На уровне текущего законодательства российская конституционная модель получает развитие в нескольких ключевых блоках. Во-первых, Федеральный закон «Об общественных объединениях» устанавливает правовые формы создания и деятельности общественных объединений [2]. Во-вторых, Федеральный закон «О некоммерческих организациях» регулирует широкий круг организаций, действующих вне извлечения прибыли как основной цели [3]. В-третьих, Федеральный закон «О политических партиях» придает институциональную форму политическому плюрализму, конституционно признанному в статье 13 Конституции Российской Федерации [4]. В-четвертых, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» обеспечивает включение граждан и их объединений в электоральные процедуры [5]. В-пятых,

Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» закрепляет дополнительные механизмы общественного участия в наблюдении за деятельностью органов публичной власти [6].

Особое место в российской модели занимает местное самоуправление. Хотя в доктрине продолжается дискуссия, следует ли относить местное самоуправление исключительно к институтам публичной власти либо одновременно и к институтам гражданского общества, более убедительным представляется второй подход. Местное самоуправление является юридической формой, в которой население непосредственно решает вопросы местного значения, используя референдум, выборы и иные формы прямого волеизъявления. Поэтому оно выступает не только уровнем публичной власти, но и пространством институционализированной гражданской активности [12].

Еще одной характерной чертой российской модели является сочетание автономии и институционального взаимодействия. С одной стороны, общественные объединения, партии, иные некоммерческие структуры и формы самоорганизации граждан не включаются в систему органов государственной власти. С другой стороны, они получают правовые каналы влияния на публичные решения через выборы, обращения, общественный контроль, экспертное участие, консультативные механизмы и деятельность на муниципальном уровне. Следовательно, российская конструкция гражданского общества строится не на полном обособлении от государства, а на балансе автономии и правового взаимодействия [11].

Значительную роль в развитии институтов гражданского общества в России играют также общественные палаты, общественные советы при органах власти, профессиональные объединения, адвокатура, нотариат, ассоциации работодателей, профсоюзы, благотворительные фонды и иные формы некоммерческой самоорганизации. Их конституционная основа прямо либо косвенно вытекает из принципов политического и идеологического многообразия, свободы объединений, права на участие в управлении делами государства и гарантий местного самоуправления. В совокупности это позволяет характеризовать российскую модель как многослойную систему институтов гражданского общества, сочетающую частную инициативу, коллективное представительство и публично-правовые формы участия [1].

3. Конституционно-правовые основы институтов гражданского общества в Китае

Китайская конституционная модель основана на иной юридической логике. Конституция Китайской Народной Республики закрепляет, что вся власть в государстве принадлежит народу, который управляет государственными, экономи-

ческими, культурными и социальными делами «по различным каналам и различными способами». Одновременно Конституция КНР прямо закрепляет свободу слова, печати, собраний, ассоциаций, шествий и демонстраций в статье 35 [7]. Однако эти нормы действуют в системе координат, где руководящая роль Коммунистической партии Китая определяется как определяющий признак социализма с китайской спецификой, а политическая жизнь организуется через систему представительства, консультаций и общественного участия [13; 15].

Принципиально важно, что Конституция КНР не использует термин «гражданское общество» как базовую юридическую категорию. Вместе с тем ее преамбула говорит о широком патриотическом едином фронте под руководством Коммунистической партии Китая, с участием других политических партий и народных организаций, а также о системе многопартийного сотрудничества и политических консультаций. Кроме того, в преамбуле подчеркивается роль Народного политического консультативного совета Китая в политической и социальной жизни страны [7]. Это означает, что общественные институты в китайской конституционной модели мыслятся не как внешняя по отношению к государству контрсистема, а как юридически и политически встроенный компонент общего механизма народовластия и социалистического управления.

Наиболее близким к классическому пониманию самоуправления элементом китайской модели выступают комитеты городских жителей и комитеты сельских жителей. В статье 111 Конституции КНР они названы первичными массовыми организациями самоуправления; их председатели, заместители и члены избираются жителями, а сами комитеты занимаются общественными делами и общественными услугами, посредничают в гражданских спорах, содействуют поддержанию общественного порядка и доводят требования жителей до народного правительства [7]. Тем самым китайская конституция закрепляет институциональную форму низового участия, которая по функциональному назначению близка к локальному гражданскому самоуправлению, но при этом не тождественна местному самоуправлению в российском либо европейском смысле.

Существенную роль в китайской модели играют социальные организации. Их общий правовой режим определяется, в частности, Положением о регистрации и управлении социальными объединениями. В редакции, измененной в марте 2026 года, данный акт исходит из сочетания свободы ассоциации, защиты законных прав и интересов социальных объединений, а также усиления государственного надзора за регистрацией и деятельностью таких организаций [8]. Сама формула правового регулирования показывает, что свобода объединения в Китае признается, но одновременно включается в систему организационного

управления и публичного контроля.

Для понимания современной динамики китайской модели важно учитывать и развитие законодательства о низовом самоуправлении. В октябре 2025 года были обновлены Закон КНР об органических комитетах сельских жителей и Закон КНР об органических комитетах городских жителей. Официальные материалы китайского законодателя подчеркивают, что изменения направлены на совершенствование механизмов низового самоуправления, демократических выборов, обсуждения, управления и контроля, при одновременном укреплении руководящей роли партийных организаций на местах [9; 10]. Следовательно, и на уровне текущего законодательного развития Китай сохраняет не либерально-автономную, а интегративную конструкцию общественного участия.

Нельзя игнорировать и специфику китайского механизма конституционной защиты. Конституция КНР возлагает надзор за соблюдением конституции на Всекитайское собрание народных представителей, а ее толкование и текущий надзор — на Постоянный комитет ВСНП [7]. Это означает, что институциональная гарантия общественных прав и организационных форм участия реализуется не через модель специализированного конституционного суда по российскому типу, а через систему народного представительства и конституционного надзора внутри высшего органа государственной власти. С точки зрения сравнительного правоведения это существенно влияет на фактическое положение институтов гражданского общества, поскольку их конституционный статус включен в иную систему гарантий и в иной механизм разрешения коллизий [13; 15].

Таким образом, китайская модель гражданского участия характеризуется сочетанием нормативного признания определенных свобод и жесткой институциональной встроенности общественных структур в механизм социалистического государства. В этой системе допустимые формы общественной активности не исключаются, но получают легитимность преимущественно постольку, поскольку они соотносятся с задачами социальной стабильности, консультативного участия и управления на низовом уровне [10].

4. Сравнительно-правовой анализ

Сравнение российской и китайской моделей позволяет выделить несколько базовых различий. Прежде всего различается само конституционное понимание общества. В России конституционный текст исходит из автономной общественной сферы, легитимизируемой через идеологическое и политическое многообразие, свободу объединений и местное самоуправление [4]. В Китае общество конституционно описывается через категорию народа, единого фронта, народных организаций, политических консультаций и первичных организаций самоуправления [9]. Поэтому российская

модель может быть охарактеризована как плюралистическая и правосубъектная, а китайская — как координационно-интегративная и функциональная.

Далее различается соотношение свободы и организационного контроля. В России право на объединение конституируется прежде всего, как субъективное право, а его ограничения связываются с защитой основ конституционного строя, безопасности государства, общественного порядка и прав других лиц [1]. В Китае свобода ассоциации также признается конституционно, однако ее реализация в значительно большей степени опосредована регистрационными и надзорными механизмами, а правовой статус организаций определяется их местом в общей системе социалистического управления и общественной координации [8]. Иными словами, в России свобода предшествует административной институционализации, а в Китае она развивается внутри заранее заданной административно-политической рамки.

Различаются и формы политического участия. Российская модель делает акцент на выборах, многопартийности, праве на мирные собрания, обращения и общественном контроле [5]. Китайская модель подчеркивает народное представительство, политические консультации, участие через народные организации, единую фронтую координацию и низовое самоуправление [7]. Это не означает отсутствия участия в одной из систем; речь идет о различии его юридической конструкции. В России институты гражданского общества выступают как носители интересов, которые могут конкурировать в публичной сфере. В Китае они в большей мере выступают как каналы согласования интересов и трансляции общественных потребностей в структуру социалистического государства.

Отличается и место локальной самоорганизации. В России местное самоуправление имеет самостоятельный конституционный статус и выступает одной из наиболее очевидных точек пересечения публичной власти и гражданского общества [1]. В Китае функции, сходные с локальной самоорганизацией, реализуются через комитеты жителей и сельских жителей как первичные массовые организации самоуправления [10]. Однако китайские комитеты не образуют самостоятельного уровня власти, а функционируют в логике низового общественного управления и взаимодействия с государственными органами. Следовательно, российская модель опирается на территориально-публичную автономию, а китайская — на низовое самоуправление в рамках общей системы государственного руководства.

Существенно различается и механизм конституционной гарантии. Для России характерно наличие института конституционного правосудия, благодаря которому свобода объединений, принципы участия и пределы ограничений получают

судебно-доктринальную конкретизацию. Для Китая характерно сосредоточение конституционного контроля в системе Всекитайского собрания народных представителей и его Постоянного комитета [7]. Отсюда следует, что даже при сходстве некоторых текстуальных формул юридическая судьба институтов гражданского общества определяется различными механизмами конституционной гарантии.

При этом нельзя абсолютизировать различия. Обе системы стремятся институционализировать участие граждан, снизить конфликтность между обществом и публичной властью, создать каналы обратной связи и юридически оформить коллективное представительство интересов. В обеих странах локальный уровень остается важнейшей площадкой правовой социализации граждан. В обеих системах наблюдается тенденция к более детальному регулированию деятельности общественных структур. Но стратегический вектор различен: российское право в большей мере призвано охранять автономию общественной сферы, тогда как китайское — организовывать ее участие в рамках общей политико-правовой конструкции. Именно это различие представляется главным результатом настоящего сравнения [16].

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, институты гражданского общества в России и Китае имеют общую функциональную направленность — обеспечение участия населения в публичной жизни, представительство интересов и организацию общественной самоактивности, — но их конституционные основания различны.

Во-вторых, российская модель основана на презумпции общественной автономии. Конституция Российской Федерации закрепляет идеологическое и политическое многообразие, свободу объединений, право на собрания, обращения, участие в управлении делами государства и местное самоуправление. Поэтому гражданское общество в российской системе мыслится как самостоятельная ценность конституционного строя [1].

В-третьих, китайская модель строится не вокруг противопоставления общества государству, а вокруг их структурированного взаимодействия. Конституция КНР связывает участие населения с народовластием, единой фронтовой системой, политическими консультациями, народными организациями и первичным самоуправлением. Даже там, где признается свобода объединения, она развивается в рамках режима регистрации, надзора и функциональной встроенности в систему социалистического управления [7].

В-четвертых, перспективы развития институтов гражданского общества в обеих странах связаны с расширением процедур участия, цифровизацией коммуникации между гражданами и публичной властью, а также с поиском более

устойчивого баланса между публичным порядком и общественной автономией. Однако в России этот баланс должен усиливать гарантии независимой общественной самоорганизации, а в Китае — повышать правовую предсказуемость участия общественных структур в системе социального управления.

В-пятых, в сравнительно-правовом отношении некорректно оценивать китайскую модель исключительно через западные либо постсоветские критерии «классического» гражданского общества. Намного точнее говорить о существовании двух различных конституционно-правовых типов институционализации общественной активности: плюралистического и интегративного. Именно в этом различии и состоит ключ к пониманию современных траекторий развития России и Китая в сфере конституционного регулирования институтов гражданского общества.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.03.2026).

[2] Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 N 82-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 17.03.2026).

[3] Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О некоммерческих организациях» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 17.03.2026).

[4] Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 N 95-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 17.03.2026).

[5] Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 17.03.2026).

[6] Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 N 212-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 17.03.2026).

[7] Constitution of the People's Republic of China. // The state council the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html (дата обращения: 17.03.2026).

[8] 社会团体登记管理条例 [Положение о регистрации и управлении социальными объединениями]. // China Development Brief. URL:

<https://chinadevelopmentbrief.org/wp-content/uploads/2020/04/Regulations-for-Registration-and-Management-of-Social-Associations.pdf> (дата обращения: 17.03.2026).

[9] 中华人民共和国村民委员会组织法 [Закон КНР об органических комитетах сельских жителей]. // The state council the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202406/content_6960131.htm (дата обращения: 17.03.2026).

[10] 中华人民共和国城市居民委员会组织法 [Закон КНР об органических комитетах городских жителей]. // The state council the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 17.03.2026).

[11] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс. М.: Норма, 2022. 864 с.

[12] Чиркин В. Е. Публичная власть в современном обществе. М.: Норма, 2020. С. 3-13.

[13] Teets J. C. Civil Society under Authoritarianism: The China Model. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 239 p.

[14] Chan K. M. Civil Society and Social Capital in China // International Encyclopedia of Civil Society. New York: Springer, 2010. Pp. 242-247.

[15] China: Democracy That Works. Beijing: The State Council Information Office of the People's Republic of China, 2021. 56 p.

[16] The Socialist System of Laws with Chinese Characteristics. Beijing: Information Office of the State Council of the People's Republic of China, 2011. // The state council the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284659.htm (дата обращения: 17.03.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended and supplemented). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: March 17, 2026).

[2] Federal Law «On Public Associations» of May 19, 1995 N 82-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (accessed: March 17, 2026).

[3] Federal Law of 12.01.1996 N 7-FZ (as amended on 20.02.2026) «On Non-Commercial Organizations» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (accessed on 17.03.2026).

[4] Federal Law «On Political Parties» of 11.07.2001 N 95-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (accessed on 17.03.2026).

[5] Federal Law «On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation» dated June 12, 2002 N 67-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_

doc_LAW_37119/ (date of access: March 17, 2026).

[6] Federal Law «On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation» dated July 21, 2014 N 212-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (date of access: March 17, 2026).

[7] Constitution of the People's Republic of China. // The state council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html (accessed: 17.03.2026).

[8] 社会团体登记管理条例 Regulations on the Registration and Management of Social Associations. // China Development Brief. URL: <https://chinadevelopmentbrief.org/wp-content/uploads/2020/04/Regulations-for-Registration-and-Management-of-Social-Associations.pdf> (accessed: 17.03.2026).

[9] 中华人民共和国村民委员会组织法 [Law of the People's Republic of China on Organic Villagers' Committees]. // The state council of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202406/content_6960131.htm (access date: 03/17/2026).

[10] 中华人民共和国城市居民委员会组织法

[Law of the People's Republic of China on Organic Committees of Urban Residents]. // The state council of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (accessed: 17.03.2026).

[11] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: A Course of Study. Moscow: Norma, 2022. 864 p.

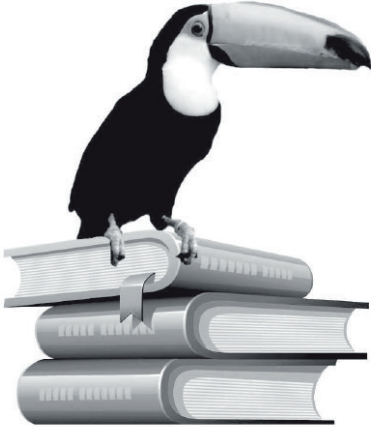
[12] Chirkin V. E. Public Power in Modern Society. Moscow: Norma, 2020. pp. 3-13.

[13] Teets J. C. Civil Society under Authoritarianism: The China Model. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 239 p.

[14] Chan K. M. Civil Society and Social Capital in China // International Encyclopedia of Civil Society. New York: Springer, 2010. pp. 242-247.

[15] China: Democracy That Works. Beijing: The State Council Information Office of the People's Republic of China, 2021. 56 p.

[16] The Socialist System of Laws with Chinese Characteristics. Beijing: Information Office of the State Council of the People's Republic of China, 2011. // The state council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284659.htm (access date: 03/17/2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.